

На следующее утро Пу Яочжи умылся, оделся и, подхватив рюкзак, вышел из своей комнаты.

Подняв глаза, он увидел мать: она встала ни свет ни заря и ждала его, замерши на диване в гостиной.

Яочжи молча направился к ней. Взор опущен, на лице — мёртвое спокойствие.

— Мама.

Мать даже не шелохнулась. Её голос прозвучал ледяной сталью:

— С этого дня в школе тебе запрещено общаться и тем более водиться с альфами или омегами. Никаких друзей. Ты меня слышал?

— Да.

Опасаясь, что сын снова согласится лишь для вида, женщина жёстко добавила:

— Нет, так не пойдёт. Поклянись мне! Поклянись, что если ты хоть...

Яочжи ровным, бесстрастным голосом перебил её:

— Не беспокойся, мама.

— Как это «не беспокойся»?!

— В школе больше никто не захочет со мной дружить.

Фраза прозвучала буднично, едва ли не с безразличием.

Мать осеклась — возразить было нечего. Но в то же мгновение до неё кое-что дошло. Вглядываясь в застывшее, лишённое малейшей тени улыбки лицо сына, она онемела. Ей показалось... нет, она явственно ощутила, как в характере её ребёнка беззвучно и бесповоротно надломилось что-то важное.

— У тебя есть ещё какие-нибудь указания, мама? — сухо поинтересовался Яочжи. — Если нет, я пойду в школу.

Мать смогла лишь заторможенно вымолвить:

—... Нет.

— Тогда я пошёл.

Он отвесил учтивый, безукоризненно вежливый поклон, не поднимая глаз, после чего развернулся и прошёл в прихожую. Молча обулся и выскользнул за дверь.

За всё это время уголки его губ ни разу не дрогнули. Вглядевшись в его потускневшие, тёмные глаза, нельзя было найти и следа той прежней, беззаботно-детской улыбки. Она исчезла безвозвратно.

Едва Яочжи вышел из машины у школьных ворот, его с ходу обдали волной отвращения и презрения.

Родители и ученики, толпившиеся у входа, перешептывались, не стесняясь:

— Опять явился! Поговаривали же, что его отчислили?

— С какими глазами он вообще сюда припёрся? Тошно смотреть!

— Ань-Ань, слышишь? Держись от него подальше!

— Я раньше думала, что этот низший бета готов на любые мерзости, лишь бы пролезть в богатые семьи, но чтобы до такого... Тьфу! Слава богу, у меня сын — омега.

— Слыхали? Он вроде три дня на коленях перед больницей вымаливал прощение, только чтоб обратно пустили!

— Интересно, на кого из альф он нацелится теперь?

— Да от такого паскуды всем альфам надо бежать без оглядки!

Под ливнем брезгливых взглядов Пу Яочжи с невозмутимым видом перешагнул школьный порог. Поправив лямку рюкзака, он направился напрямик в учебную часть.

Остановившись перед столом завуча, он склонил голову и негромко спросил:

— Здравствуйте, завуч. В какой класс мне теперь идти?

Тот вскинул брови и с откровенным изумлением смерил его взглядом:

— А ты, я смотрю, и сам прекрасно понимаешь, что в прежний класс тебе дорога закрыта.

Яочжи понимал. Наглядный опыт научил.

Завуч строго продолбил:

— Тебя перевели в седьмой класс. Отныне учишься там. Учебники и стол уже перенесли. Учти этот урок и веди себя тихо, понял?

— Да, — едва слышно отозвался Яочжи.

Вежливо поклонившись, он вышел из кабинета и побрёл к аудитории седьмого класса первого года.

Едва переступив порог, он сразу заметил свое место. Парту свалили в самом последнем ряду; учебники и тетради вывалились из ящика и валялись по всему полу, испещрённые грязными следами от обуви.

С лицом, не выражавшим ровным счётом ничего, Яочжи подошёл к своему углу. Он поднял парту, а затем не торопясь начал собирать топтанные тетради.

Школьники переглядывались, не скрывая раздражения:

— С какой стати его сунули к нам?

— Вот же мерзость...

— Какая дрянь! Принесла же нелёгкая!

— Не могли в другой класс спихнуть?

— Неужели нашему классу больше всех не повезло?!

Яочжи пропускал эти выкрики мимо ушей. Спокойно оттерев следы грязи со стула и парты, он снял рюкзак и сел на место.

Видя его невозмутимость, одноклассники разразились ещё большей желчью:

— Натворил такого паскудства, а сидит тут с таким видом, будто ничего не было! До чего же бесстыжая тварь!

— Да он же низший бета. Для них совесть — пустой звук!

— И то правда! Была бы у него хоть капля совести, разве стал бы он опоивать Гун Чэня этой дрянью?

Ученики буквально испепеляли его взглядами, мечтая выбросить за дверь.

Впрочем, всё происходило именно так, как Яочжи предсказывал матери.

Друзья?

После произошедшего скандала ни одна живая душа не захочет иметь с ним ничего общего.

Да только теперь Пу Яочжи в друзьях и не нуждался. Какой от них прок?

К тому же низшему бете дружба всё равно не полагается.

Спустя несколько минут прозвенел звонок, и в класс с журналом под мышкой вошел классный руководитель.

Взойдя на трибуну, учитель окинул задние ряды взглядом, полным сжигающего презрения, задерживаясь на одинокой парте Яочжи.

Он громко постучал по кафедре, произнес с выразительным намеком:

— Предупреждаю некоторых свежеприбывших учеников: раз уж вас перевели в наш класс, извольте вести себя смирно и не смейте порочить честь коллектива!

После этих слов практически весь класс синхронно обернулся к Яочжи, злорадно ожидая его реакции.

Но тот сидел абсолютно спокойный, будто слова учителя пролетели мимо ушей.

Не дождавшись ни стыда, ни унижения на лице изгоя, подростки быстро потеряли интерес и отвернулись.

Классный руководитель тоже не ожидал подобного хладнокровия. Наглое нежелание

проявлять хоть каплю раскаяния только распалило его неприязнь.

Бросив на ученика ледяной взгляд, он отвернулся к доске:

— Начнём урок!

С того дня у седьмого класса появился общий враг.

Школьники сплотились вокруг идеи превратить его жизнь в ад. Травили дружно, со вкусом.

Пачкали одежду, рвали домашние задания, разрисовывали учебники и уничтожали аккуратные конспекты.

Стоило ему зайти в туалет, как его запирали в кабинке и сверху выливали ведро помоев.

Или подстерегали на лестнице, чтобы исподтишка дать пинка в спину и заставить кубарем лететь вниз по ступеням.

Ежедневные издевательства превратились для седьмого класса в некую общественную забаву, в сплошной жестокий праздник.

Всего за пару недель его тело покрылось сплошным ковром из синяков и ссадин, а форма ни дня не оставалась чистой.

Из-за того что его то и дело обливали помоями, от него нестерпимо несло гнилью.

Он ходил грязный, смердящий, похожий скорее на ходячий кусок мусора, чем на человека.

Естественно, классный руководитель не мог не замечать этой травли. Но он закрывал глаза. В его глазах Яочжи получил по заслугам.

И, как ни странно, сам Яочжи думал точно так же.

Он заслужил. Это расплата за его собственную глупость.

Видя, в какое ничтожество превратился Пу Яочжи, Хуай Ши испытывал глубочайшее удовлетворение. И вот, спустя две недели, он решил лично навестить жертву.

Заманив Яочжи в пустой глухой угол, Хуай Ши прикрыл рот ладонью, разыгрывая наигранный испуг и «сочувствие»:

— Ой-ой-ой, ты только посмотри на себя! До чего же жалкое зрелище!

Яочжи смерил его холодным взглядом:

— Есть дело — говори.

Хуай Ши сощурился в ядовитой ухмылке:

— Ладно тебе, мне просто стало тебя жалко, вот и решил открыть глаза на правду. Препарат НВ-1, который по ошибке выпил Гун Чэнь... ведь это я тебе его подсунул...

Яочжи перебил его абсолютно ровным голосом:

— Я знаю.

Хуай Ши поперхнулся словами. На лице отобразилось крайнее изумление.

—... Знаешь? — он ошарашенно вылупился на Яочжи. — И давно?

— В тот же день. Во второй половине.

У Хуай Ши перехватило дыхание. Потребовалось некоторое время, чтобы вернуть дар речи:

— И... и ты рассказал Гун Чэню?!

Не успел Яочжи ответить, как Хуай Ши всплеснул руками, с озарением рассмеявшись:

— А-а, сообразил! Ты, конечно же, побежал к нему плакаться, а он тебе не поверил!

Яочжи охладил его пыл единственным коротким словом:

— Нет.

Н-нет?! Не рассказал?!

Хуай Ши снова застыл в столбняке:

— Почему?!

Ответ Яочжи состоял всего из двух слов:

— Нет необходимости.

Слегка нахмурившись, Яочжи ледяным тоном добавил:

— Ты затащил меня сюда только ради этой чепухи?

Хуай Ши онемел. Он смотрел на стоящего перед ним человека и не узнавал его. Этот бета — пропитанный чуждостью, источающий ледяное равнодушие и глухое раздражение — не имел ничего общего с тем наивным дурачком, который некогда так искренне считал Хуай Ши своим другом.

Пока Хуай Ши пытался переварить увиденное, Яочжи потерял остатки терпения, развернулся и пошёл прочь.

<http://bllate.org/book/20413/2149234>